

Слабое сердце — эпизод 4 из 18

Вася держал его за плечи, глядел ему во все глаза и так двигал губами, как будто сам хотел договорить за него.

Ну! проговорил он наконец.

Представь им сегодня меня!

Аркадий! идем туда чай пить! Знаешь что? знаешь что? даже до Нового года не досидим, раньше уйдем, закричал Вася в истинном вдохновенье.

То есть два часа, ни больше ни меньше!..

И потом разлука до тех пор, пока не dokonчу!..

Васюк!..

Аркадий!

В три минуты Аркадий был по-парадному. Вася только почистился, затем что и не снимал своей пары: с таким рвением присел он за дело.

Они поспешно вышли на улицу, один радостнее другого. Путь лежал с Петербургской стороны в Коломну. Аркадий Иванович отмеривал шаги бодро и энергично, так что по одной походке его уже можно было видеть всю его радость о благополучии всё более и более счастливого Васи. Вася семенил более мелким шажком, но не теряя достоинства. Напротив, Аркадий Иванович еще никогда не видал его в более выгодном для него свете. Он в эту минуту даже как-то более уважал его, и известный телесный недостаток Васи, о котором до сих пор еще не знает читатель (Вася был немного кривобок), вызывавший всегда глубоко любящее чувство сострадания в добром сердце Аркадия Ивановича, теперь еще более способствовал к глубокому умилению, которое особенно питал к нему друг его в эту минуту и которого Вася, уж разумеется, всячески был достоин. Аркадию Ивановичу даже хотелось заплакать от счастья; но он удержался.

Куда, куда, Вася? здесь ближе пройдем! вскричал он, видя, что Вася норовит повернуть к Вознесенскому.

Молчи, Аркаша, молчи...

Право, ближе, Вася.

Аркаша! Знаешь ли что? начал Вася таинственно, замирающим от радости голосом. Знаешь ли что? Мне хочется принести подарочек Лизаньке...

Что ж такое?

Здесь, брат, на углу мадам Леру, чудесный магазин!

А, ну!

Чепчик, душечка, чепчик; сегодня я видел такой чепчоночек миленький; я спрашивал: фасон, говорят, Manon Lescaut¹ называется чудо! ленты

серизовые, и если недорого... Аркаша, да хоть бы и дорого!..

Ты, по-моему, выше всех поэтов, Вася! идем!.. Они побежали и через две минуты вошли в магазин. Их встретила черноглазая француженка в локонах, которая тотчас же, при первом взгляде на своих покупателей, сделалась так же весела и счастлива, как они сами, даже счастливее, если можно сказать. Вася готов был расцеловать мадам Леру от восторга...

Аркаша! сказал он вполголоса, бросив обыкновенный взгляд на всё прекрасное и великое, стоявшее на деревянных столбиках на огромном столе магазина. Чудеса! Что это такое? что это? Вот этот, например, бонбончик, видишь? прошептал Вася, показывая один миленький крайний чепчик, но вовсе не тот, который купить хотел, потому что уже издавлек нагляделся и впился глазами в другой, знаменитый, настоящий, стоявший на противоположном конце. Он так смотрел на него, что можно было подумать, будто его кто-нибудь возьмет да украдет или будто сам чепчик, именно для того чтоб не доставаться Васе, улетит с своего места на воздух.

Вот, сказал Аркадий Иванович, указав на один, вот, по-моему, лучший.

Ну, Аркаша! это даже делает честь тебе; я тебя, право, особенно уважать начинаю за вкус, сказал Вася, плутовски схитрив в умилении своего сердца пред Аркашей, прелесть твой чепчик, но поди-ка сюда!

Где же, брат, лучше?

Смотри-ка сюда!

Этот? сказал Аркадий с сомнением. Но когда Вася, не в силах более выдержать, сорвал его с деревашки, с которой он, казалось, вдруг слетел самовольно, как будто обрадовавшись такому хорошему покупщику после долгого ожидания, когда захрустели все его ленточки, рюши и кружева, неожиданный крик восторга вырвался из мощной груди Аркадия Ивановича. Даже мадам Леру, наблюдавшая всё свое несомненное достоинство и преимущество в деле вкуса во всё время выбора и только молчавшая из снисхождения, наградила Васю полною улыбкою одобрения, так что всё в ней, во взгляде, в жесте и в этой улыбке, разом проговорило да! вы угадали и достойны счастья, которое вас ожидает.

Ведь кокетничал, кокетничал в уединении! закричал Вася, перенеся всю любовь свою на миленький чепчик. Нарочно прятался, плутишка, голубчик мой! И он поцеловал его, то есть воздух, который его окружал, потому что боялся дотронуться до своей драгоценности.

Так скрывает себя истинная заслуга и добродетель, прибавил Аркадий в восторге, для юмора прибрав фразу из одной остроумной газеты, которую читал поутру. Ну, Вася, что же?

Виват, Аркаша! да ты и остришь сегодня, ты сделаешь фурор, как они говорят, между женщинами, предрекаю тебе. Мадам Леру, мадам Леру!

Что прикажете?

Голубушка, мадам Леру!..

Мадам Леру взглянула на Аркадия Ивановича и снисходительно улыбнулась.

Вы не поверите, как я вас обожаю в эту минуту... Позвольте поцеловать вас... и Вася поцеловал магазинщицу.

Решительно, нужно было призвать на минуту всё достоинство, чтоб не уронить себя с подобным повесой. Но я утверждаю, что нужно иметь к тому и всю врожденную, неподдельную любезность и грацию, с которою мадам Леру приняла восторг Васи. Она извинила его, и как умно, как грациозно умела она найтись в этом случае! Неужели же можно было рассердиться на Васю?

Мадам Леру, сколько цена?

Это пять рублей серебром, отвечала она, оправившись, с новой улыбкою.

А этот, мадам Леру, сказал Аркадий Иванович, указав на свой выбор.

Этот восемь рублей серебром.

Ну, позвольте! ну, позвольте! ну, согласитесь, мадам Леру, ну, который лучше, грациознее, милее, который из них более походит на вас?

Тот богаче, но ваш выбор *c'est plus coquet*.²

Ну, так его и берем!

Мадам Леру взяла лист тонкой-тонкой бумаги, зашпилила булабочкой, и, казалось, бумага с завернутым чепчиком сделалась легче, нежели прежде, без чепчика.